

Г. АБРАМЯН

Староватус

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» ~ 1972

Отец у Димки музыкант. Он скрипач и часто выступает на концертах. Мама работает в музее и там всегда что-нибудь рассматривает в лупу. А Димка пока ничем существенным не занимается, если не считать того, что через год собирается поступить в первый класс.

Димке очень хочется играть на скрипке. Но это, наверное, случится не скоро. Он ещё и не приступал к музыкальным занятиям. Отец говорит, что со слухом у него не очень-то ладится.

Однажды вечером Димка услышал совершенно незнакомое ему слово:

СТРАДИВАРИУС.

Димка насторожился.

«Интересно, что это,—подумал он.—Зверь или птица? А вдруг это рыба, которую можно разводить в аквариуме!»

Оказалось, что Страдивариус — фамилия самого знаменитого на свете мастера из итальянского города Кремоны. Синьор Антонио Страдивариус делал удивительные гитары, мандолины, виолончели,

контрабасы. И бесспорно, лучшие в мире скрипки. Одна из них — вот она...

Отец показал Димке самую настоящую скрипку Страдивариуса.

Красивая же была скрипка! Верхняя часть корпуса — дека — темноватая, словно от загара, и вся в светло-золотых прожилках с вырезами — эфами, в форме буквы «*Г*», если, конечно, с этой буквы снять козырёк. А нижняя дека, словно шкура тигра. Одна полоска отливает золотом, другая — тёмная, как скорлупа грецкого ореха. Но стоит чуть-чуть качнуть скрипку — и по нижней деке пробегает волна с солнечными гребнями и чёрными провалами.

Димке сначала показалось, что нижняя дека на самом деле волнистая. Но она была гладкая и прохладная, как зеркальное стекло.

У скрипки Страдивариуса были удивительные ушки-колки. Точёные, изящные, вырезанные из чёрного дерева. А в ушках, словно серьги, сверкали и переливались капельки крохотных бриллиантов.

С разрешения отца Димка заглянул в одну из эф. Внутри скрипки он увидел узкую бумажную наклейку с именем мастера. А сбоку — написанный от руки чёрной выгоревшей краской год рождения скрипки — 1670.

— Ей исполнилось триста лет, — сказал отец.

— Триста лет! — удивился Димка. — Из чего же она сделана?

— Страдивариус перепробовал много различных сортов дерева: ель, сосну, тополь, берёзу, липу, пихту, клён, ольху, иву, красное дерево, чёрное и, поговаривают, иногда пускал в дело обломки затонувших галер — были в старину такие огромные, многовёсельные суда.

— Теперь скрипка Страдивариуса будет жить у нас? — спросил Димка.

— Поживёт некоторое время, — неопределённо ответил отец.

— А где ты её взял?

Разумеется, отец эту скрипку не купил в магазине, не попросил у товарища и не нашёл на улице. Такие скрипки не продают, не одалживают и не теряют. Скрипку Страдивариуса выдали Димкиному отцу из Государственной коллекции, с согласия самого министра по музыкальным делам. Такие ценные скрипки вручают лишь заслуженным музыкантам. А Димкин отец вполне заслуженный — он лауреат Всесоюзного конкурса, а теперь готовится к международному конкурсу, куда съедутся музыканты всего мира.

В тот вечер все долго не ложились спать, и Димка вдоволь надурачился. Он прыгал на диване, валялся на ковре, делал стойки, мостики, ездил верхом на палке и, наконец, так разошёлся, что нарядился в мамину полосатую кофту, а на голову нацепил бумажный колпак.

— Смотрите, кто к нам пришёл! — воскликнул отец. — Настоящий Петрушка!

И он стал наигрывать на Страдивариусе мелодию лёгкую, прозрачную, словно кружевную. А мама звонко напевала:

Дили-дили-дон, пришёл Петрушка,
Дили-дили-дон, как весел он.
Дили-дили-дон, гремит погремушка,
Дили-дили-дон, бубенчиков трезвон...

Песенку спели несколько раз.

У Димки от усталости даже глаза стали слипаться, но он всё просил:

— Дили-дили-дон, спойте ещё...

— Ай! — наконец воскликнула мама. — Одиннадцатый час, а ты веселишься. Сейчас же марш в постель!

— Ну, пожалуйста, — сонным голосом сказал Димка, — в последний разочек... — и, положив голову на руки, уснул.

Димка очень гордился тем, что такая замечательная скрипка поселилась у них дома. Он рассказал о ней своему другу Ёське.

Выслушав Димку, Ёська сказал:

— Знаю, слышал. Враки всё это. Страдивариус-самовариус-чепухариус, понял?

— А папа сказал, что этой скрипке триста лет.

— Чего-о? Повтори, чего ты сказал?

— А ничего, триста лет, говорю.

— Ты что, спятил? Да разве может скрипке быть триста лет? Она же деревянная!

— Ну и что, пусть деревянная, — настаивал Димка.

— Как что? Вон у нас пол на даче когда застелили? Бабушка

говорит, лет двадцать назад, а он весь сгнил. Я в прошлом году провалился, чуть ногу не вывихнул.

— А у Страдивариуса дерево галерное. Оно, может, крепче железа! — крикнул Димка.

— Если бы твой Страдивариус был железный, то всё равно бы проржавел насквозь.

— А если из нержавеющей стали?

— Ха! Такой стали триста лет назад и в помине-то не было!

— А вот и была! Мама говорила, что в одном месте нашли гвозди, которые пролежали в земле тысячу лет, а они до сих пор не проржавели.

— Может, скажешь, что твой Страдивариус сделан из гвоздей?

Ёська для убедительности сплунул и, считая, что положил противника на обе лопатки, предложил:

— Давай поиграем в лапту.

Димка не стал играть в лапту. Он не признал себя побеждённым. Повернувшись к Ёське спиной, он отправился домой.

«Не буду с ним водиться, ни за что не буду!» — думал Димка, и у него от обиды дрожали губы.

Когда Димка ушёл, Ёська почесал затылок и признался сам себе, что завидует Димке. Ему даже захотелось самому потрогать знаменитую скрипку.

Теперь он не оставлял Димку в покое. Он приставал к нему, дразнил, доводил до слёз, а однажды заявил:

— Слабо вынести её на улицу, слабо? А-а! Трусишь?!

— Я-а?! — возмутился Димка и со всех ног помчался на седьмой этаж, забыв о существовании лифта.

«Значит, я трус? — бормотал он. — А вот посмотрим!»

На шее у Димки на длинной верёвочке болтался ключ от квартиры. Димка с трудом дотянулся до замка, открыл дверь и вбежал в комнату отца.

От плотно задёрнутых штор здесь было темно и прохладно.

Димка зачем-то пугливо огляделся, хотя знал, что в квартире никого нет. И всё-таки пятки сами оторвались от пола, и он на цыпочках, крадучись и невольно озираясь, подошёл к круглому столику. Здесь лежал скрипичный футляр, отделанный под крокодиловую кожу, а в нём, утопая в голубом бархате, покоилась скрипка Страдивариуса.

Димка взял в руки футляр и на минуту задумался...

Мама на работе в музее и вернётся не скоро. Туда привезли кость, найденную глубоко под землёй. И все мамины знакомые научные работники помчались в музей выяснять, чья эта кость.

Папа приедет только к вечеру. Он ещё вчера после обеда уехал за город. Он всегда за день до концерта «убегал» от своего Страдивариуса. И Димка знал почему: папа не раз говорил, что перед выступлением вредно много заниматься. Лучше отдохнуть как следует, побродить по лесу, поиграть в шахматы и — обратно в город. А у папы как раз сегодня вечером концерт. Вот и афиша на стене, где красными буквами написана Димкина фамилия. Даже имя, потому что папу тоже зовут Димкой, вернее, Дмитрием Константиновичем.

Словом, афиша напомнила Димке о концерте, концерт об отце и о том, что к инструменту прикасаться строго-настрога запрещено всем домашним, в том числе и Димке.

Ему вдруг расхотелось выносить из дому скрипку. Но, вспомнив ехидную физиономию Ёська, он вновь расхрабрился и потащил футляр на улицу.

Димка шёл по лестнице, скособочившись под тяжестью футляра, и с каждым шагом ему становилось всё страшнее и страшнее, а футляр с каждой пройденной ступенькой прибавлял в весе, словно туда подкладывали кирпичи. Димка чуть было не повернул назад, как вдруг увидел женщину с маленькой девочкой.

— Смотри, мама, скрипач идёт! — воскликнула девочка.

И Димке стало необыкновенно приятно, что его называли скрипачом. Он сразу стал важным и взрослым. Разумеется, пока ещё в собственных глазах. И хотя ступеньки вели вниз, он мысленно возносился всё выше и выше, вообразив себя знаменитым музыкантом, которого ждёт не дожждётся публика...

Когда Димка появился на улице, у него был такой важный вид, что Ёська насмешливо сказал:

— Фи, индюк!

Но Димка не обиделся, а ещё больше надулся.

— Индюк? — переспросил он и показал на футляр: — А это видел?

— Может, у тебя там пусто, откуда я знаю? — как можно равнодушнее сказал Ёська.

Он надеялся, что Димка начнёт доказывать обратное. Но тот и не думал. Тогда Ёська принялся скакать вокруг приятеля и петь на все лады:

— Чепу-хо-ви-на. Стра-ди-вар-на-я! Чепу-хо-ви-на са-мо-вар-ная!

Но и это не подействовало.

Тогда Ёська от зависти и нетерпения стал ехидно нашёптывать:

— Один тут тоже всё ходил с футляром. А потом, однажды, у него футляр раскрылся на ходу, и оттуда посыпались трусы и майки. Он в баню с этим футляром ходил, понятно?

Тут уж Димка не выдержал. У него лопнуло терпение, и он принялся торопливо щёлкать замочками футляра.

Ёська бросился ему на помощь.

Оба они, мешая друг другу, безуспешно ломали ногти о круглые пуговицы замочков.

А замочки-то открывались без всяких усилий: правая пуговка отодвигалась вверх, левая — вниз, а не в разные стороны, как это пытались сделать Димка и Ёська.

— Не откроются, — наконец сказал Димка, — их только мой папа умеет открывать.

— И мой тоже, — на всякий случай дополнил Ёська и завладел инициативой, то есть попросту отобрал у Димки футляр.

— Отдай! — завопил Димка.

И они стали рвать друг у друга футляр. А Ёська ещё на ходу умудрялся дёргать замочки.

И тут случилось ужасное: футляр открылся, и таинственная, необыкновенная, всемирно известная скрипка Страдивариуса выскочила из своего крокодилово-голубого домика и шлёпнулась на асфальт.

С таким звоном, наверное, разбивается хрусталь...

Друзья некоторое время оторопело смотрели на скрипку.

Первым заговорил Ёська:

— А всё ты... Не дал мне спокойно открыть футляр...

Но Димка не слышал.

— Она сломалась, она сломалась,— глотая слёзы, шептал он.

Дело принимало серьёзный оборот. Ёська стал пятиться задом, метнулся за угол дома и скрылся. Потом осторожно выглянул оттуда, посмотрел на скорбную Димкину фигуру и нехотя вернулся обратно.

— Ну, чего расхныкался? — сказал он. — Пойдём к дяде Пантелею. Он плотник — мигом её починит. Он нам, знаешь, какие полки на кухне сделал!

И Ёська деловито уложил скрипку в футляр. Туда же он побросал обломки подставки и оторвавшуюся от скрипки узкую чёрную планочку — гриф.

— Пошли,— сказал он Димке. — А то оставляю тебя тут и управляйся как знаешь.

Димка покорно поплёлся за Ёской. У него теперь не стало собственной воли. Единственное, на что он был способен — это плакать. И слёзы лились из его глаз в три ручья.

Когда плотник Пантелей увидел скрипку, он воскликнул:

— Батюшки мои! Какую вещь раскололи!

— Почините, дядя Пантелей,— попросил Ёська,— видите, как Димка плачет.

— Мне не только что чинить, а прикоснуться к ней боязно.

В ответ Димка отчаянно заревел.

— На чём же мой папа будет играть? — сквозь слёзы твердил он. — У него сегодня концерт... Сегодня... сегодня... сегодня...

— Дела-а-а,— задумчиво протянул плотник Пантелей,— сам-то я не возьмусь, об этом и говорить нечего, но тут поблизости один мастер проживает...

Мастер был маленький старичок с морщинистым лицом. На голове у него не было ни единого волоска. Она блестела, как только что вымытый арбуз.

В окошко вовсю било весеннее солнце. И Димке показалось, что от головы старичка по стене скачет солнечный зайчик. Голова вправо — и зайчик туда. Влево — зайчик следом.

А может быть, зайчик отражался от очков, которые косо сидели на носу мастера?

— Здравствуйте,— робко сказал Димка.

Мастер не ответил. Он словно не заметил появления ребят и продолжал что-то точить крошечным рубаночком.

— Здравствуйте,— уже громче повторил Ёська.

Мастер чуть качнул головой. Солнечный зайчик метнулся по стенке вправо-влево и вновь застыл на месте.

«Наверное, всё же от очков»,— подумал Димка и вдруг разозлился на себя за то, что думает о пустяках, когда у него такая беда.

Он толкнул Ёську.

— Может, он глухой? Давай крикнем вместе.

— Я не глухой,— тихо проскрипел старичок.— У меня ни минуты свободной. Быстренько говорите, в чём дело, и уходите.

— Если бы он дал мне спокойно раскрыть футляр,— начал Ёска,— а то стал вырывать его...

— А какое он имел право брать папину скрипку? Он никому не разрешает её трогать, даже мне...

Мастер бросил рубаёчек.

— Тэк, тэк,— сказал он,— преступление налицо. Вы взяли скрипку, притом чужую, подрались, сломали её, и теперь, как истинные друзья, пытаетесь свалить вину друг на друга.

— Это он виноват,— сказал Димка.

— Честное слово, не я!

— Мне противно вас слушать,— перебил их старичок.— Оставьте скрипку, а через неделю пусть за ней придёт кто-нибудь из взрослых. Всего лучшего!

— Скрипку нужно починить сейчас же!— крикнул Димка и сам удивился своей храбрости.— Папа вернётся через несколько часов.

— Послушайте, молодой человек,— нетерпеливо сказал старичок.— Вы трус и боитесь отвечать за свои поступки.

— Я не боюсь! — воскликнул Димка.— Я во всём признаюсь. Только, пожалуйста, почините скрипку. У папы вечером концерт, а он ещё ничего не знает.

Мастер молча взял футляр в руки.

— Там Страдивариус,— жалобно проговорил Димка.

— Честное слово,— подтвердил Ёська,— сам министр...

Ёська не договорил. Мастер, как коршун, вцепился в скрипку. Он близоруко рассматривал её сантиметр за сантиметром. Со стороны казалось, что он её облизывает.

— Так и есть... О господи! Самый настоящий Страдивари!

И вдруг заревел на ребят таким страшным голосом, будто в комнате объявился великан:

— Ах вы пакостники, негодники, безобразники, разбойники, головорезы, я вам сейчас!..

Ёську и Димку словно ветром сдуло. Они опрометью выскочили из мастерской и всё время, пока старичок кричал, тряслись от страха за дверь.

Потом наступила тишина. Они заглянули в мастерскую и увидели, как старичок, словно потеряв последние силы, плюхнулся на стул и закрыл глаза.

— Может, помер? — спросил Ёська.

— Не знаю,— прошептал Димка.

Однако мастер тихо, но внятно сказал:

— Уши вам поотрывать и носы пооткрутить. Что же вы, паршивцы, наделали? Ух, подайте мне воды...

— Вам сырой или кипячёной? — предупредительно спросил Димка.

— А ну вас,— неожиданно окрепшим голосом сказал мастер и быстро поднялся на ноги.

Он внимательно осмотрел гриф и надолго задержался взглядом на обломках подставки, когда-тостройной, резной, на двух изящных лапках. Где теперь такую достанешь?

По тому, как часто он вздыхал, было件нятно, что подставка эта — довольно важная штука.

— Дети,— наконец сказал он,— вы чуть не погубили редчайшую скрипку. К счастью, корпус её не пострадал. Но гриф и подставка!.. Если бы вы это сделали нарочно, я, не задумываясь, поколотил бы вас.

Ёська и Димка дружно уставились на потолок.

— Что я сейчас должен делать? — продолжал старичок. — Я должен пойти в мастерскую Большого театра и отдать её мастерам, достойным доверия. Так поступил бы хозяин скрипки...

Ёська понимающе толкнул Димку в бок, а у того от радости сильно забилося сердце.

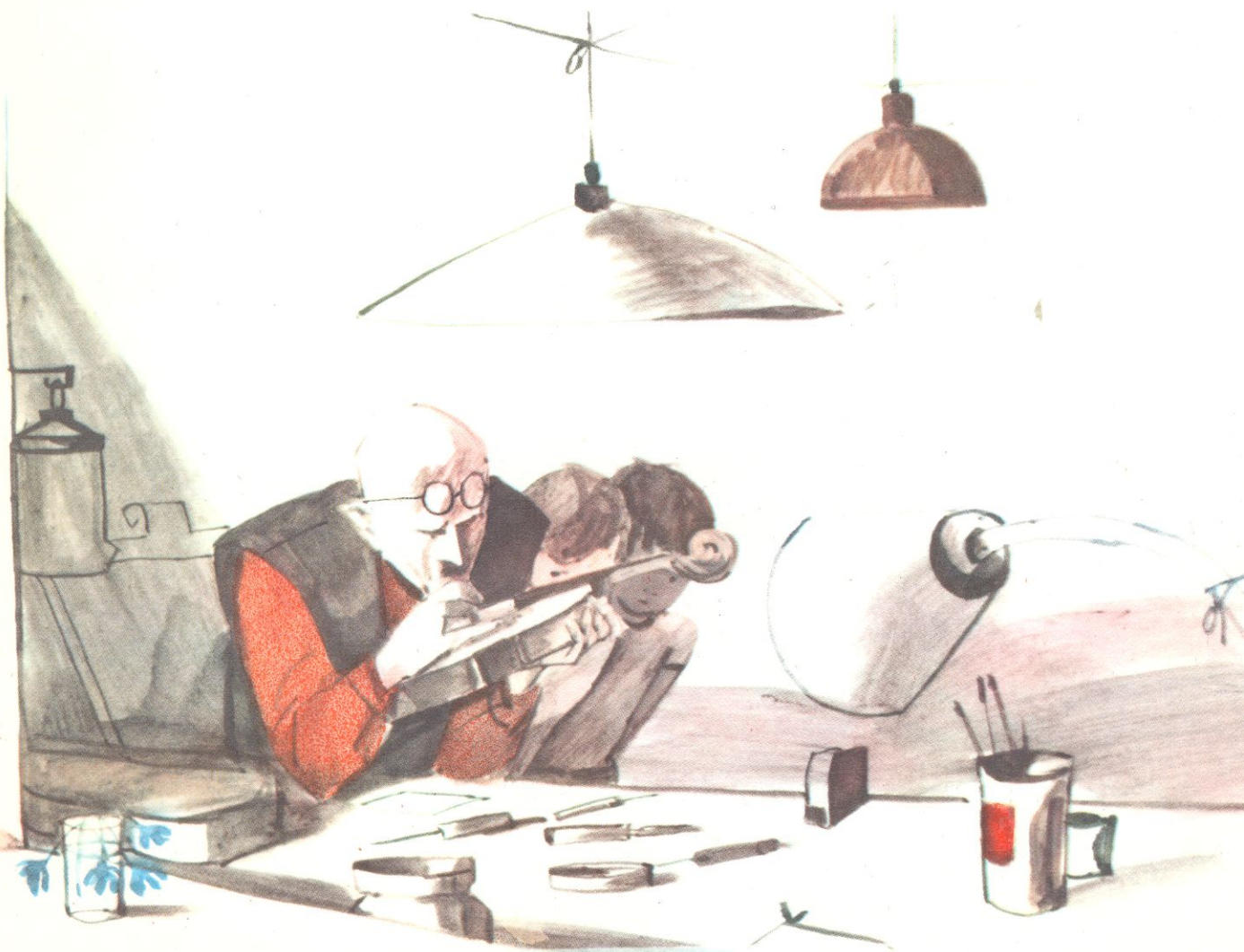
— Но я никуда не пойду...

Димка с ужасом посмотрел на Ёську.

— Да, ни-ку-да! Я, может быть, этого момента ждал всю жизнь.

— Чтобы никуда не ходить? — растерянно спросил Димка.

— Чудаки, — буркнул мастер. — Вы только подумайте: скрипка разбита, через несколько часов концерт. При всём желании мы не успеем отнести её в мастерскую и получить обратно. Что же, спрашиваю, у нас получается?

— Чепуховина... — пробормотал Ёська.

— Наконец-то я услышал одно разумное слово: именно че-пу-хови-на. Но! — вскричал мастер голосом великана и поднял скрюченный палец к потолку.

Димка испуганно заморгал.

— Но! — продолжал громогласно старичок. — Безвыходность положения даёт мне право прикоснуться к священному Страдивари. Вы понимаете меня, дети?

Мастер снял со скрипки струны и аккуратно приклеил на место гриф.

— А если не высохнет? — с сомнением спросил Димка.

— Мой клей сохнет почти моментально. У меня ведь есть свои секреты. Например, канифоль. Удивительная, скажу вам, канифоль... Ах, до чего вы разделили подставку! Нет, вас всё-таки следует поколотить. И немедленно, но у меня, к сожалению, нет времени на такие пустяки. Из-за вас я и так совершаю преступление — без ведома хозяина чиню скрипку.

— Папа не рассердится, — сказал Димка, — он добрый.

— Добрый? А если за пять минут до концерта выяснится, что скрипка не звучит? Ведь любая, даже самая мелкая деталь, может до неузнаваемости изменить голос инструмента.

Димка поёжился.

— Я ни за что не ручаюсь. Но искренне говорю вам: всю жизнь мечтаю сделать скрипку, подобную этой. Увы! Мечты, мечты...

И мастер вздохнул.

Откровенность старичка, видно, очень подействовала на Димку.

— А я буду музыкантом или полотёром, — признался он.

— А я... — начал было Ёська, но мастер уже не слушал ребят. Склонившись над верстаком, он выпиливал и точил новую подставку.

Димка и Ёська смотрели во все глаза. Переминаясь с ноги на ногу, они следили за каждым движением мастера. А тот последние полчаса не произнёс ни звука. Он шлифовал бархатной шкуркой готовую подставку.

Потом наложил её на собранные кусочки подставки Страдивариуса. Две подставки слились в одну, словно одинаковые картинки.

— Всё,—облегчённо сказал мастер,—я сделал всё, что мог. Если скрипка не будет звучать — грош мне цена.

Было видно, что мастер волнуется.

Димка тоже заволновался. Он сказал:

— Спасибо вам, дедушка мастер,—и потянулся к футляру.

— Э-э, нет! — воскликнул мастер.— Лучше я вас провожу. А то чего доброго поднимется спор о том, кто больше — комар или комариха. А там и до драки недалеко. Знаю я вас!

— Кстати,—обратился он к Димке,—сразу же всё расскажи отцу. Вдруг он выйдет на сцену, не попробовав скрипки? Может получится грандиозный скандал!

Мастер проводил ребят до самой двери Димкиной квартиры. Ни на какие уговоры остаться он не соглашался.

— Артисту перед выступлением не следует мешать. А после концерта я обязательно навещу вас,—на прощание сказал он.

А Ёськи давно и след простыл.

Димка остался один...

Он молча сидел в прихожей и ждал справедливого наказания. Когда раздался звонок, он вздрогнул, словно его стукнули по макушке.

Звонил телефон.

Откуда-то издали послышался приглушённый голос отца:

— Здравствуй, малыш. Срочно к телефону маму!

— Её ещё нет.

— Фу, невезучий день,—огорчился отец.— Послушай, Дим, как только появится мама, передай ей, что я задерживаюсь: машина испортилась. Её сейчас чинят. Скажи маме, чтобы она привезла скрипку, фрак и манишку прямо в концертный зал. И передайте дирижёру: пусть оркестранты занимают свои места, я приеду минута в минуту.

— Папа, ты обязательно должен попробовать скрипку...—робко начал Димка.

— Ничего,—весело перебил отец,—один раз выйду на сцену не разыгравшись — согрею руки шерстяными перчатками; они всегда при мне. А вы там смотрите, со скрипкой осторожней. Ты её в руки не смей брать, слышишь? А сейчас я больше разговаривать не могу. Привет!

— Папа! Папа! — закричал Димка. — Папа, я...

— Ту-ту-ту-ту... — слышались отбойные гудки.

Через некоторое время пришла мама.

— Только что звонил папа, — произнёс Димка.

— И что же?

— Мама... — начал Димка и вдруг, не выдержав напряжения этих нескольких часов, отчаянно закричал: — Мама! Я сломал Страдивариус!

Мама побледнела и неестественно спокойно сказала:

— Ты что, Дима? Шутишь, конечно?

Она открыла футляр, внимательно осмотрела скрипку и даже щипнула пальцем струну. Потом взглянула на Димку и сухо сказала:

— Это глупая шутка, Дима.

Димка опустил голову и неожиданно сказал совсем не то, что ему хотелось:

— Мама, пусть Ёська пойдёт с нами на концерт.

— Пусть, — коротко ответила мама.

Они стояли на тротуаре — Димка, Димкина мама и Ёська.

Ёська помогал ловить такси. Он шумел, кричал, размахивал руками, словно главный участник предстоящего концерта.

А Димка молчал и смотрел себе под ноги.

Наконец, когда до концерта остались считанные минуты, мама остановила такси.

К концертному залу они подкатили одновременно с милицейским мотоциклом. В коляске мотоцикла сидел... Димкин отец.

Значит, его машину так и не удалось починить вовремя.

Отец поблагодарил милиционера. Тот отдал ему честь, и мотоцикл застрекотал прочь от концертного зала.

— Скрипку! — крикнул отец и устремился к служебному входу.

— Папа, — бросился за ним Димка, — я хочу тебе сказать...

Но ничего больше не успел произнести. Мама с силой потянула его за шиворот.

— Да ты сегодня совсем ума лишился! — сердито сказала она. — Кто же пристаёт к человеку перед самым выступлением?

Димка заплакал.

— Ты болен, — сказала мама.

— Он не болен, — мрачно ответил Ёська, — хотите я вам расскажу...

— Только не сейчас, — перебила мама, взглянув на часы. — Марш в зал. А я побегу в артистическую, провожу папу.

Димка как всегда забрался на балкон амфитеатра. Ёська — за ним.

А на сцене уже сидел оркестр. Потом появился дирижёр, шагнул на свою подставку и поклонился публике. И в этот момент на сцену вышел Димкин отец. Он ловко пробирался между пультами, за которыми сидели оркестранты.

— И вовсе не похож на твоего папу, — сказал Ёська.

Вдруг кто-то тронул Димку за плечо.

Димка оглянулся и увидел мастера.

Тот приветливо взмахнул рукой и весело спросил:

— Судя по всему, твой папа остался доволен скрипкой. Не так ли?

— Он ничего не знает,— ответил Димка.

— Этого не может быть!— выдохнул мастер и, словно у него подкосились ноги, схватился за спинку кресла.

А оркестр между тем заиграл вступление.

Димкин отец спокойно стоял впереди, у дирижёрской подставки, чуть расставив ноги, наклонив голову, высокий, стройный, в чёрном фраке и ослепительно белой манишке.

А когда кончилось оркестровое вступление, он вскинул скрипку к плечу и звуки необычайной красоты и силы сразу заполнили весь зал.

Димка невольно оглянулся на мастера. У того по щекам текли слёзы, а на губах сияла счастливая улыбка.

— Всё хорошо? — шёпотом спросил Димка, ещё не веря, что ничего страшного не произошло.— Папа не проваливается?

— Хорошо, мой милый, ах как хорошо! — ответил мастер, не вытирая слёз, а может быть, просто не замечая их.— Я уверен, что Антонио Страдивари похвалил бы меня!

Ёська, видя, что ничего особенного не случилось, толкнул Димку локтем:

— Здорово играет Страдивариус,— сказал он.— Теперь, когда мы ещё раз нечаянно его ломаем, то сразу пойдём к нашему мастеру, правда, Дим?

Этот концерт прошёл для Димкиного отца особенно удачно.

Но это не спасло Димку от наказания. Целую неделю отец с ним не разговаривал. Более того, он попросту не замечал Димку, словно того на свете не существовало.

Зато со старым мастером отец крепко подружился. Они часами разглядывали скрипку Страдивариуса и о чём-то говорили. И мастер нахваливал свою канифоль.

Отец эту канифоль попробовал — конечно, не на язык, а на смычок! — и остался очень доволен. И мастер подарил ему три прозрачных янтарных кружочка.

Когда наступил день примирения, Димка до позднего вечера не отходил от отца ни на шаг, а лёжа в постели, он долго ворочался и

думал о том, что хорошо бы научиться играть на скрипке. Он обязательно попросит об этом папу. И услышит в ответ: «К этому нужно серьёзно готовиться, нужно много петь, танцевать и слушать музыку». А мама добавит: «Кушать манную кашу и пить рыбий жир».

А Ёська опять, наверное, скажет: «Чепуха всё это, чепуховина!»

А может быть, теперь уже не скажет?

Димкины мысли стали путаться и спотыкаться. И он уснул сном, в котором не было никаких сновидений, а лишь нежно пела скрипка Великого Страдивариуса.

для старшего дошкольного возраста

Григорий Владимирович Абрамян

СТРАДИВАРИУС

Художник В. Гальдяев

Редактор Е. Рыжова
Художественный редактор Г. Коптелова
Технический редактор Е. Соколова
Корректоры Н. Пьянкова, Н. Шадрина

Сдано в набор 5/III-71 г.
Подписано к печати 11/I-72 г.
Бумага № 1 60×90¹/₈. Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,08.
Тираж 300 000 (200 000 — лак. обл., цена 27 к.; 100 000 — целлоф. обл.,
цена 55 к.). Заказ № 7769. Изд. № 442

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валуевая, 28